

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

TOPOS DOMU DOŚWIADCZANIE ZAMIESZKIWANIA I BEZDOMNOŚCI

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-490-0

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności

Wanda Supa Жилое пространство и менталитет индивида в русской прозе XX – XXI веков	15
Matylda Chrząszcz Samowar jako metafora domu w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich XIX wieku	31
Элеонора Шестакова Феноменология бездомности героев мотива <i>русский человек на rendez-vous</i> в русской словесности XIX – первой трети XX вв.	41
Людмила Авдейчик Символика «небесной обители» в поэзии В. С. Соловьева	65
Анна Булгакова Дом и бездомье: топос Дом в пьесе Леонида Андреева <i>Жизнь человека</i>	83
Марина Красильникова Дом и «кочевье» в канунной русской культуре начала XX века	95
Алексей Овчаренко Безбытность в русской литературе 1920-1930-х годов. Постановка проблемы	109
Татьяна Комаровская Функциональная роль архетипов Дома и Дороги в раскрытии характера героини романа Джейн Смайли <i>Частная жизнь</i>	117

Янина Солдаткина Категория «дом/бездомность» в романах М. А. Булгакова и романе М. Петросян <i>Дом, в котором...</i>	123
Надежда Злобина Образ дома у дороги в поэме А. Т. Твардовского <i>Дом у дороги</i>	137
Nadzieja Monachowicz Houses in the Lives of Doris Lessing's Heroines	145
Наталья Ковтун <i>Изба – квартира – перекресток</i> : к вопросу о самоопределении героев в поздних текстах В. Шукшина	161
Ирина Середа Дом и бездомность в художественном мире В. Маканина 1990-х–2010-х	179
Олеся Никитина Дом в сказках Леонида и Ирины Тютчевых <i>Зоки и Бада</i> и <i>Школа зоков и Бады</i>	187
Paulina Charko-Klebot Dom, w którym nie można żyć. Prowincjonalna Rosja oczami niektórych uralskich dramaturgów	195
Grażyna Król „Tylko mi Ziemi całej do życia brak”. O bezdomnościach Andrzeja Babińskiego	209
Beata Morzyńska-Wrzosek Doświadczenie zamieszkiwania bez zadomowienia. Na przykładzie twórczości Julii Hartwig	227
Marta Niedziela-Janik Interpretacja motywu bezdomności w utworze Olega Pawłowa <i>Koniec wieku</i>	245
Сергей Преображенский Зимородок-гальциона как символ утраченного и обретаемого дома	259

Святлана Лясовіч

Канцэпт «дом» у сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле раманаў Альгерда Бахарэвіча, Юрыя Станкевіча) 267

Doświadczanie przestrzeni

Neonila Pawluk

Печаль воспоминаний... Пространство – время – телесная проксемиа в рассказе *Поздний час* Ивана Бунина 279

Вера Шульган

Перехрестя шляхів: життєві та поетичні дороги І. Я. Франка 289

Наталья Кнэхт

Антропология взгляда: человек в меняющейся городской среде, новые формы чувственного опыта и борьба за читательское внимание 297

Ілона Смаглій

Міфологічний, реальний і віртуальний світи в поезії Світлани Йовенко 307

Юрий Подковырин

Смысловые параметры художественного пространства в современной русской драме 317

Елена Гулевич

Монтаж как повествовательный принцип в рассказе А. Бирса *Добей меня* 333

Ірина Кропивко

Речовий світ людини у створенні метафоричного художнього простору у творах С. Поваляевої *Ексгумація міста* та М. Туллі *Сни й камені* 345

Анна Кононова

Полярная энтропия светоизображения в живописи белорусских художников рубежа XX–XXI веков 363

Елена Лепишева

Сценическое время-пространство новейшей русскоязычной драмы Беларуси 377

Олеся Никитина
Даугавпилсский Университет

Дом в сказках Леонида и Ирины Тюттяевых *Зоки* и *Бада и Школа зоков и Бады*

Сказка Леонида и Ирины Тюттяевых пользуется огромной популярностью среди читателей, как юных, так и взрослых. Сказка про Баду и Зоков вышла в свет в 1994 году с подзаголовком *Пособие для детей по воспитанию родителей*. Главные персонажи книги – забавные создания – большой и строгий Бада, который предпринимает попытку перевоспитать четырёх маленьких и непослушных зоков. Для Бады главными жизненными ценностями являются порядок и послушание, в свою очередь, зокам нравятся шалить, есть сласти: шоколадки и мед, а слушаться Баду им совсем не хочется. В своем интервью Леонид Тюттяев, рассказывая о создании сказки, отмечает, что она создавалась для его детей как импровизация и стала для его семьи настольной:

Книга читается легко и непринужденно, с необыкновенным юмором и любовью, здесь много шуток и остроумных находок. Побывав в таком смешном и трогательном мире зоков и бад, дети смогут по-новому взглянуть на родителей, а родители – на детей¹.

Позднее, в 2012 году, на полках книжных магазинов появились новые истории – *Школа Зоков и Бады*. В продолжении истории зоки, решившие встать на путь исправления, учатся быть хорошими и изо всех сил стараются помочь Баде. Но делают это по-зоковски, то есть, неправильно. Из этого становится понятно, что хотеть и уметь – это совсем разные вещи. Так как для Зоков все познается мёдом, они решают пойти в школу, где их всему научат: писать мёд, читать мёд и считать мёд. Ну, а организовывать эту самую школу и учить зоков

¹ Из интервью с Л. Тюттяевым, [online], www.komersant.ru, [14.09.2014].

арифметике, истории, географии и другим полезным вещам, конечно, приходится Баде:

И после завтрака Чёрный бада отправился устраивать школу в рощице возле дома. Прежде всего он нарисовал табличку **ШКОЛА ЗОКОВ**, приукрасив её завитушками, потом нагрузил тележку стульями, столами и разными учебными пособиями, впрягся и покатил. Выбрав в роще место посветлее, он повесил на осинку вывеску, расставил под кустами мебель, приспособил школьную доску, написав на ней «Поздравляю», и вполне довольный результатом уселся с газеткой в ожидании учеников².

Среди многих топосов художественного мира сказок Тютхтяевых (лес, сад, поле, водоем, Луна и т.д.) особое место занимает дом, это одна из главных пространственных составляющих.

Исследование структуры пространства дома позволяет рассмотреть художественную систему автора как феномен «духовно-эмоциональный, утверждающий общечеловеческие ценности – добро и любовь как значимые величины человеческого бытия»³. Расшифровка домашнего кода в любом художественном тексте помогает ответить на многие вопросы, начиная с проблем организации картины мира и заканчивая мировоззрением писателя. Дом относится к доминантным архетипам человеческой культуры. Пространственная модель дома самым непосредственным образом связана и с формированием концепции личности; дом по-своему отражает особенности сознания и мировоззрения человека. Это сфера, в которой возможно установление связи между бытом и бытием, земным и небесным. В разные историко-культурные эпохи дом выступал не только как образ жилья, но и «сакрального пространства, напоминавшего о связи домашней организации и защищенности с божественным миропорядком и защитой от потусторонних сил»⁴.

Художественный мир сказки И. и Л. Тютхтяевых строится как двухуровневый, и в каждом своеобразным семантическим центром является дом. Во-первых, это дом, в котором живет семья: мама, папа, Ян и Маргарита. Дети рассказывают историю о Зоках и Баде своим родителям. Пространство дома здесь представлено следующими номинациями: тихая комната, камин, удобный диван и газета на столе,

² Л. и И. Тютхтяевы, *Зоки и Бада...*, с. 14.

³ В.Д. Панков, *Пространственность человеческого бытия*, Тамбов 1996, с. 342.

⁴ В.Г. Шукин, *Спасительный кров. О некоторых мифопоэтических источниках славянофильской концепции Дома, Из истории русской культуры. Т. V (XIX век)*, Москва 1996, с. 124.

игрушки на полу и т.д. Это пространство тепла и уюта, где важнейшими ценностями являются любовь и понимание. Безусловно, атмосфера дома *реального* переносится на дом *сказочный*, что авторы интерпретируют в сказке реальное пространство и взаимоотношения родителей и детей.

Истории о маленьких проказниках зоках можно назвать уютными, это своеобразная современная вариация бидермайерной модели дома с культом «приятного»⁵. Именно здесь создается тот маленький и волшебный мирок, где варят суп из меда и сладостей, вяжут теплые носочки из шерсти Бады, где перепачканных Зоков можно постирать и развесить на веревке, как белье, а от их невыносимых проказ можно спрятаться только на Луне да и то ненадолго. Таким образом, дом уютный и тихий естественно может превращаться в свою противоположность.

Дом у Тюхтяевых способен трансформироваться, точнее, топос дома расширяется, экстраполируется до пространств очень масштабных (природы и даже космоса) или, наоборот, сужается до пространств мизерных. Дом, где живут зоки и Бада – это, с одной стороны, уютное помещение с маленькими комнатками и двориком, любимым местом здесь является подвал, в котором царит сладкая жизнь, потому что там хранится мед. Но герои сказки комфортно чувствуют себя в лесу и разных водоемах. Но таким же естественным местом обитания героев может стать и Луна, на которую можно попытаться попасть, взобравшись на стул:

Тогда зоки стали строить башню до луны. Они решили во что бы то ни стало снять Бадю оттуда. Вначале они для удобства строили башню в комнате, но она почему-то никак не получалась выше потолка, хотя они довольно громко и сердито ругали ее. На стол поставили стул, на стул табуреточку, на табуреточку коробочку, на коробочку баночку, пока пирамида не достала до луны. Бада забеспокоился, а зок Мю-одов стал карабкаться наверх. Вначале он залез на стол, потом на стул, потом на табуреточку, потом на коробочку, потом на баночку... Зок лез все выше и выше, а Бада беспокоился все больше и больше⁶.

Обратим внимание на то, что, как в русских сказках, здесь есть игра повторами.

⁵ Ф.П. Федоров, *Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика*, Москва 2004.

⁶ Л. и И. Тюхтяевы, *Школа Зоков и Бады*, Санкт-Петербург 2014, с. 27.

Самое интересное, что домом может служить банка с надписью МЁД, так как задом наперёд слово читается ДЁМ. Букву Ё жилец – зок заменяет на О, объясняя это следующим: «Послушай-ка, – вспомнил Бада, – а почему в твоём письме ни одной буквы «Ё» не было? Рогатая слишком, – буркнул зок, – боюсь»⁷. Сфера обитания героев – порой самые фантастические места, домом становится любое место, где им уютно и комфортно. Бада, как взрослый и серьёзный персонаж, создает для себя условия комфортные и уютные, некоего рода идиллию, в которой он может чувствовать себя защищенным:

Черный Бада жил в домике возле пруда. Травку косил, воду носил, а сам думал, что бы ему еще хорошее сделать. И придумал он завести себе пчел. Не поленился, настроил домиков, поставил на лужайке и стал ждать. Вскоре дикие пчелы про домики раз узнали, перебрались из леса к нему, стали его домашними, стали Баде мед носить. И пошла у Бады сладкая жизнь⁸.

Уменьшительная форма дома – домик, а так же то, что уменьшительные суффиксы постоянно употребляются в словах, которыми описывается дом, показывает любовь и привязанность к месту, которые испытывает Бада. Все в этом доме любимое и родное: «Он с любопытством поглядел по сторонам. **Комнатка** была небольшая. В углу стоял шкаф с бельем, у **стенки** – диван, на подоконнике два **горшочка** с цветами»⁹.

В трактовке дома Бада и его маленькие подопечные различаются, как взрослые и дети: Бада как хозяин, стремится защищать и оберегать свое персональное пространство, дом, в котором он живет. В доме для него важна замкнутость, непроницаемость. Зоки, для которых дом – везде, категорически не принимают этой замкнутости:

Ой, какая сумочка, чур, моя! – закричал зок Медов, хватая замок. – Буду ее на ключ закрывать, никому не давать. Это замок, – сказал Бада, – медохранилище запирать на всякий случай, чтобы мед не пропал¹⁰.

Представление о доме, и можно сказать в целом миры Бады и зокков (взрослых и детей), строятся как противоположные по многим параметрам, и главная оппозиция – тяготение к порядку, стабильно-

⁷ Там же, с. 43.

⁸ Л. и И. Тютяевы, *Зоки и Бада...*, с. 67.

⁹ Там же, с. 3.

¹⁰ Там же, с. 126.

сти, с одной стороны, и творческому хаосу, равному универсальной свободе – с другой. Понимая, что дом меняет свой облик с появлением зоков, Бада горюет о прошлом:

Бада огляделся. И то, что он увидел, ему не понравилось. Его маленький домик выглядел уже не таким уютным, как прежде, хотя целое утро все занимались хозяйством. Клумба с белыми флоксами и лужайка перед домом больше не радовали глаз. Куда-то пропала дорожка от калитки к крыльцу, выложенная на днях мелкой галькой... Заметно поредели кусты, местами завалился набок новый забор вокруг мёдохранилища, опрокинулась бочка для воды... Взамен на освобождённых от порядка территориях разместились два неопрятных окопа и участок перепаханной лужайки. Слева, ближе к яблоне, были свалены в кучу вырванные с корнем растения, кусок забора и перевернутое вверх дном корыто. А прочие полезные вещи в беспорядке валялись в виде баррикад¹¹.

Бада, который не в силах смириться с беспорядком и разрушением привычного дома (не случайно он «затопил печку водой из ведра»¹²), решает бежать от нашествия зоков, фактически перенимая модель поведения зоков:

Тогда и я улечу! – обиженно сказал Бада, признавший в змее себя. И улетел: встал с утра пораньше, сколотил из фанеры два крыла, нацепил, потренировался часок около дома. Потом разбежался, взмахнул крыльями, сделал прощальный круг над родными местами – и поминай, как звали. Тут луна взошла. Смотрят зоки, а их Бада на луне пацется. Здорово, думают, никто мешать не будет. Повесили занавесочку на луну, чтобы Бада не увидел, взяли ключ и опять побежали мед есть. А Бада выглянул из-за занавесочки, головой покачал, но ничего не сказал, пошел дальше пасть¹³.

Луна для Бады становится домашним пространством, где ему удобно пасть, как дома. Ситуация вполне сопоставима с тем, что зокам хорошо было жить в банке с мёдом.

Вспомним, что сказка Тюттяевых – это учебник по перевоспитанию взрослых. Зоки – дети начинают процесс перевоспитания взрослого Бады. И делается это, в том числе, и через смешные сказочные трансформации модели дома. Если в начале сказки дом Бады похож на традиционный позитивистский сказочный дом, в котором обита-

¹¹ Л. и И. Тюттяевы, *Школа Зоков...*, с. 87.

¹² Там же, с. 89.

¹³ Л. и И. Тюттяевы, *Зоки и Бада...*, с. 102.

тели живут до ста лет и умирают в один день, то с появлением зоков дом обретает игровой характер. Он трансформируется, стремительно расширяется или сужается:

Как же мы жить теперь будем? – упавшим голосом изрек Мю-одов <...> Может, в духовке? В кастрюле? В хлебнице? – закричали зоки наперебой, а сами забежали, засуетились, захлопали крышками¹⁴.

Дом теряет трёхмерность и традиционные пропорции: вспомним, как зоки «повесили занавесочку на Луну»¹⁵, или строили башню до Луны в комнате и почти построили, только вот «когда зок добрался до верха, она отплыла так далеко, что он никак не мог до нее дотянуться»¹⁶.

В целом пространство сказки Тюхтяевых можно охарактеризовать как домашнее и антидомашнее одновременно. Идеальный дом – это воплощение уюта и тепла, но и абсолютной свободы, когда размыкаются все границы, опрокидываются заборы, всё переворачивается вверх дном и дом воссоздается заново.

¹⁴ Там же, с. 77.

¹⁵ Там же, с. 117.

¹⁶ Там же, с. 119.

SUMMARY**House in fairy tales of Leonid and Irina Tuhtajevy
*Zoki and Bada and School of zoki and Bada***

This article discusses some of the features of the formation of the spatial model of the house in the fairy tales of Leonid and Irina Tuhtajevy *Zoki and Bada and School of Zoki and Bada* and analyzes the spatiotemporal organization of the house as a segment of the art world of fairy tales.

Keywords: Irina and Leonid Tuhtajevy, fairy tale, house.

Ключевые слова: Ирина и Деонид Тухтяевы, сказка, дом.